
Анатолий БИМАЕВ

РЕТРОГРАДНЫЙ МЕРКУРИЙ

Повесть

Наверняка вам знакомы приступы безнадежной хандры.

Когда неожиданно вспомнится, что тебе тридцать лет, а все, что ты успел заработать, — это хронический гастрит с геморроем и кифосколиоз второй степени. Вспомнится, что жена при разводе забрала дом в Калинино, совместный бизнес по продаже противоблошинных ошейников и черный «финик» две тысячи десятого года выпуска. Даже вспомнится, как тебя обсчитали на десять рублей в предпоследнее воскресенье прошлого месяца. И покажется вдруг, будто жизнь кончена и единственное, что остается, — пить пиво, листая каналы по кабельному.

В жаркой-жаркой пустыне самого древнего континента Земли друзья-компаньоны вбухали полмиллиона зеленых в разработку бесплодного буша. Надеялись к концу сезона на «Viasat» добыть самосвал золотых самородков величиною с кулак и прогада-ли. Драгоценного металла там оказалось не больше, чем нефти в бачке моего унитаза. А на соседнем канале пожилые пройдохи из дождливой Британии скупали ржавые тачки времен глобального оледенения, реставрировали их, а затем впыживали коллекционерам по баснословной цене. Почему-то я всегда попадал на те серии, где они пролетали, отбивая лишь вылаканный в гараже сидр да вложения в седативные препараты, которые на нервах глотали целыми горстями. Всюду одна и та же история, вечная, как сам мир. Люди боролись за выживание. Причем последние догадались сделать из своих несчастий телевизионное шоу. Самое безубыточное предприятие, которое можно только представить. Если бы мне платили по десять рублей за каждую шишку, которую набил в жизни, то я давным-давно уже сделался бы нефтяным королем.

Впрочем, все это было вчера...

Сегодня я сидел в зале ожидания Емельяново. Через каких-нибудь пять с половиной часов мой рейс приземлится в Москве. Хвала небесам, не перевелись на свете добрые самаритяне, готовые оплачивать чужие командировки из своего собственного кармана общего пользования.

— Здравствуйте, «матрешку» еще не продали? — вспомнил я телефонный разговор с самаритянином. Голос у него был такой напряженный, словно он приобретал сердце умиравшему сыну.

Нужно сказать, такие голоса — настоящие самородки для перекупщиков. Реагируешь на них, как металлоискатель на золото. Целую вечность человек пускал слюнки

Анатолий Владимирович Бимаев родился в 1987 году в пос. Солнечный Красноярского края. Образование высшее. Публиковался в журналах «Абакан», «Нева», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Алтай», «День и ночь», «Крещатик», «Полдень». Лауреат журнала «День и ночь» (2020) в номинации «Проза». Лауреат литературной премии им. В. П. Астафьева (2021). Член Союза писателей России. Живет в г. Абакане (Республика Хакасия).

на фотографию твоего автомобиля на «Дроме», пока банк одобрял ему потребительский кредит. И вот когда до получения вожденного ПТС оставалось всего ничего, он не мог найти себе места от беспокойства. А вдруг тачка уйдет в последний момент? Или продавец укатит на выходные на дачу? Передумает продавать? Взвинтит цену? Разобьется, к чертовой матери? Сплошные «вдруг», «если» и «боже мой». Состояние как перед инфарктом. Не нужно обладать особым талантом, чтобы сыграть на ажиотаже и подтолкнуть самаритянина к правильному решению.

— Можно сказать, что продал, — как можно удовлетворенней произнес я. — Сегодня днем машину смотрели. Обещали вечером забрать. У них там с кредитом какие-то заморочки.

— Вы и залог уже, наверное, взяли?

— Залог? А зачем? Залог берут, если с автомобилем проблемы. А если все равно, смысла в этом нет никакого. Человек и так ее заберет. Посмотрит на хлам, который предлагают другие, и вернется обратно.

И мы завели разговор о порядочности. Самаритянин, конечно, меня понимал. Сам привык держать данное слово. Но тут дело иное. Нравится машина — берешь или подкрепляешь сделку залогом. Это негласное правило, хорошие манеры в сфере купли-продажи. Волей-неволей я согласился. Против очевидного не попрешь. А я и так отбивался, как мог. Еще чуть-чуть, и снимай в роли святого в голливудской комедии.

Не успел я выкурить сигарету, как покупатель подъехал на адрес. С делегацией родственников-автоэкспертов. Друг-собутыльник, видимо, в качестве индикатора вызываемой машиной зависти и жена — для связи с Вселенной, черт ее знает. И все они принялись беспорядочно кружить вокруг «мазды». Они выбирали глазами, ясное дело. Именно на такой случай я и провел в гараже несколько суток. Красил пороги и арки, красил стаканы, тормозные диски и суппорта, чтобы скрыть ржавчину. Я даже покрыл антигравием днище. Накрасил губки, как говорится в народе. Теперь машина блестела, словно в автосалоне, но ткни ее пальцем, и в кузове появится дыра. Если ржавчина взялась за дело, так просто от нее не избавиться. Как бы ни уверяли производители специализированной химии в обратном. Разумеется, человек, мало-мальски разбирающийся в автоделе, сразу бы увидел подвох. Как ни малюй, от палева не избавишься. Или краска будет на тон светлее, или где-нибудь на двери останется характерная бородавка. Признак того, что под краской начался процесс окисления металла. Для специалиста это все очевидные вещи, как закон Архимеда для физика-ядерщика, но не для чайника, покупавшего автомобиль реже, чем в нашей стране менялось правительство.

— Я у вас ее забираю, — заверил самаритянин, лишь я подошел. — Можете не сомневаться.

Впервые меня так успокаивали, если не считать платных врачей. Мне даже сделалось как-то неловко. Все равно что объегорить ребенка. Он и на вид-то был один в один Алеша из русской сказки. Наверное, не мечтал, что когда-нибудь слезет со своих «Жигулей».

— Да, в такую нетрудно влюбиться, — произнес я. — И по технике полный порядок. Мотор не дымит, в коробке неделю назад поменяно масло. Чек лежит в бардачке. Подвеска ловит неровности, как «Титаник» на малом ходу. Заснуть можно на трассе.

— Ты-то, мать, что скажешь? — обратился самаритянин к жене. — Нравится «матрешка»?

— Да, — скромно ответила девушка.

Глаза ее заблестели, как перед табличкой «Загс». Я тут же протянул ей ключи. После пробной поездки она уже ни за что не захочет расставаться с машиной, даже если ее будут оттаскивать от нее на буксире.

Мотор взревел с характерным стуком цепи, и из выхлопной трубы вырвался сноп сизого дыма. Маслосъемные колпачки требовали срочной замены. Вместе со всей поршневой, по правде сказать. Но покупателям, разумеется, знать это было необязательно.

— Стекла родные. Даже переднее. А машине как-никак четырнадцать лет! Во всем городе второй такой не найдете. Либо перевертыши, либо после лобового удара. Эта вся целая. Единственно, был косметический подкрас задней правой двери, — сказал я, зная по опыту, что честность в умеренных дозах подкупает больше всего. — Но ничего криминального, без единого грамма шпакли. Видно, поцарапали на парковке.

И я провел их к крашеной двери, постучав костяшками руки по металлу. Расчет мой был верен. Самаритянин принялся внимательно осматривать повреждение. Он захлопывал дверь, открывал ее и снова захлопывал, проверяя геометрию кузова. Он даже отошел на два шага назад, стараясь на глаз увидеть разницу в ширине зазоров и тонах краски. А масло, стекшее за ночь через колпачки в поршни, тем временем полностью выработалось. Понять, что с двигателем беда, теперь можно было лишь хорошенько дав по газам. Но в том-то и дело, не каждый заморачивался это сделать.

В этом плане продавец всегда находился в более выгодном положении, чем покупатель. Он знал о машине всю подноготную, знал, что нужно скрывать, а на чем, напротив, сделать акцент. Покупатель же пребывал в состоянии стресса. Именно он рисковал деньгами, и деньгами немалыми. А столько всего необходимо было проверить! Битая или нет? В залоге у банка или в аресте у приставов? И что за неразборчивая печать в левом верхнем углу ПТС? На этом состоянии сыграть очень просто. Нагнать спешку, присесть покупателю на уши, мешая сосредоточиться. Или выбрать тактику экскурсовода, бдительно следя за тем, чтобы самаритянин не заплыл за буйки. Неудивительно, что половина жизненно необходимых узлов и агрегатов обычно не проверялась. Вполне простительная для стрессовой ситуации рассеянность. Она и уберегала нас, перекупщиков, от излишних вложений в машину, делая автобизнес прибыльным предприятием даже в годы мировых кризисов, девальваций рубля и саммитов «Большой двадцатки», посвященных проблеме перехода развитых стран на зеленую экономику.

После плавной, я бы сказал, экскурсионной поездки по близлежащим выбоинам и ямам, судя по всему, давно внесенным в реестр объектов исторической ценности, самаритянин спросил:

— И какая ваша последняя цена?

— Смотрите, — произнес я спокойно, — машину я приобретал в кредит. И мне осталось выплатить что-то около трехсот двадцати пяти тысяч. При всем желании я не смогу уступить ее вам дешевле.

— Может, скинете чуток на страховку и пиво?

— Хорошо, триста двадцать.

— При нынешних ценах эти пять тысяч — сами знаете что!

И он улыбнулся мне хитрой улыбкой, которую ожидать от него было нельзя. Вот уж и вправду, стоило человеку родиться, и он начинал прикидывать, как ему заполучить коляску получше да подешевле. Даже если с самого детства его готовили к героическим битвам во имя добра с Кощеем Бессмертным и Змеем Горынычем.

— Триста пятнадцать. Но это действительно последняя цена. И вы тоже пойдите навстречу. Пропишем в договоре часть суммы. Остальное оформим распиской. Лучше эти деньги достанутся вам, чем налоговой.

— По рукам! — произнес счастливый самаритянин.

Тем временем на мой рейс объявили посадку.

Проглотив горсть корвалола, я двинулся к выходу одиннадцать «А». Я всегда нервничал перед полетом. Ничего не мог с собою поделаться. Аэрофобия. Многочисленные

статьи в Интернете из разряда «Десять признаков, что у вашей жены появился любовник» наперебой утверждали: чтобы избавиться от страха, нужно переживать неприятные ситуации как можно чаще. Но я летал по десять раз в год, а фобия не проходила. Только лошадиные дозы успокоительного помогали снять напряжение. Идеальным было заснуть до того, как самолет поднимался в воздух, а проснуться уже на земле. Однако идеальные варианты на то и идеальны, чтобы происходить реже ударов молний, после которых у людей открывались сверхъестественные способности. Нарушить препаратную дрему могла любая мелочь. А забыться во время полета было уже нереально. Все равно что спать в одной клетке с тигром.

Вымученно улыбаясь бортпроводникам, я прошел на свой семнадцатый ряд. Вернее, шестнадцатый, если смотреть на дело формально. Ведь тринадцатого ряда в самолетах не существовало. Суеверия как на войне. Видимо, само руководство «Боинг» считало, что иначе их железки с крыльями попросту не взлетят. Но лучше об этом сейчас не думать.

Я пристегнулся, выпрямил спинку сиденья, чтобы у стюардесс не возникло повода меня беспокоить, и, надев маску для сна, попытался заснуть. Но перед мысленным взором стали назойливо возникать картинки будущей авиакатастрофы. Как человек, проводящий за рулем большую часть жизни, я знал, насколько несовершенна техника. Большим корпорациям нужно спасать котировки своих акций. Так что никто ни в чем не признается. Даже если погибнут сотни людей. В новостях лишь обмолвятся... Попробуй потом докажи, как все было на самом деле.

Разумеется, только я начал дремать, объявился сосед. Верно, из тех, что проходят регистрацию в онлайн-режиме, чтобы не торчать лишний час в аэропорту, а потом, как пьяные кучера, гонят таксистов за взлетевшим рейсом в надежде перехватить его под Тюменью.

Пока он размещал на переполненной полке ручную кладь, пока усаживался поудобней, втискивая в узкое кресло свое непомерно объемное тело, начался инструктаж безопасности. Мероприятие, назначение которого я вовсе не мог себе уяснить. Если авиакомпания так заботилась о психическом самочувствии пассажиров, что убрали из самолетов тринадцатый ряд, зачем тогда перед взлетом нагонять жуть отработкой аварийных ситуаций? Будто кислородные маски могли спасти кому-нибудь жизнь? Да, возможно, пассажир не умирал от нехватки кислорода при разгерметизации салона, но лишь для того, чтобы вскоре разбиться о скалы, пережив перед этим пару прескверных минут. Настолько прескверных, что большинство отбрасывало коньки еще в воздухе от банального сердечного приступа. Можете поверить мне на слово. Ведь я именно тот человек, который просмотрел все серии «Расследований авиакатастроф» дважды в надежде, что это вызовет психотерапевтический эффект и вылечит меня от боязни.

Я сдернул маску для сна. Все равно заснуть уже не удалось. И в этот момент самолет плавно тронулся с места. Стюардессы спешно прошли по рядам, проверяя, все ли пассажиры пристегнуты. Делали они это, пожалуй, несколько торопливей, чем можно было ожидать. Они явно знали что-то ужасное, но чтобы не создавать паники, хранили молчание. Но лучше опять-таки об этом было не думать.

— Взлет! — послышался из динамиков испуганный голос пилота.

Оглушительно заревели реактивные двигатели, борт начал резко набирать скорость. Нас ощутимо трясло, так что я невольно впился ногтями в подлокотники кресел. Самолет уже разогнал до темпа болида Льюиса Хэмилтона и все еще продолжал наращивать скорость. По моим подсчетам, он давно должен был оторваться от полосы. Но ему не хватало тяги. Пилоты, верно, легли сейчас на штурвалы, пытаясь поднять многотонную махину в воздух. Если немного промедлить, мы уже не успеем затормозить. Такое часто случалось. Так и не покинув земли, самолеты выезжали за пределы взлетно-посадочной, врезаясь в цистерны с горючим или ангары.

Наконец тряска стихла.

Я сидел с закрытыми глазами и повторял про себя: «Не смотри в иллюминатор. Не смотри, ради бога». Когда я все-таки взглянул вниз, земля была далеко. Крохотные дороги, крохотные дома, а деревья словно ворсинки ковра с надписью «Welcome» в прихожей. Я невольно сглотнул. Под ногами у меня были тысячи метров пространства, наполненного атомами азота. Неважная опора для существа, состоящего из белков и железа. Чтобы поднять меня в воздух, потребовались невероятные усилия всего человечества, как сказал бы жизнерадостный диктор научно-популярной программы времен Никиты Хрущева. Я отчетливо чувствовал эти усилия. Угадывал в гуле турбин, тревожно менявших тональность надсадного воя. Будто при взлете в одну из них угодил не успевший толком проснуться после пятничного поедания забродившего винограда голубь, и теперь машина тщетно пыталась его переварить.

Словно в подтверждение моих фобий, самолет завалился на бок, ухнув в раскинувшуюся внизу пустоту. Не отдавая отчета, я выбросил вспотевшие ладони вперед, рассчитывая, верно, опереться ими о самую поверхность планеты и предотвратить катастрофу. Еще никогда я не испытывал с такой острой силой дискомфорт от замкнутого пространства. Я упирался руками в стенки собственного гроба, не иначе. Комфортabelного, с жареной рыбой и апельсиновым соком на завтрак. Перед мысленным взором снова возникли картинки последних мгновений. И эти образы, накладываясь на действительность, ретушируясь страхом, давали эффект кошмарной яви. Я на самом деле терпел крушение. Без дураков. Двадцать пятый или бог его знает какой раз в своей жизни.

Только вечность спустя самолет выровнялся. С тяжело бьющимся сердцем я отлепил руки от фюзеляжа.

— Сколько летаю, а привыкнуть все не могу, — произнес я.

— Ничего, бывает, — с сочувствием ответил сосед. Добрый малый. Еще кто-нибудь в детстве научил бы его пунктуальности. — Нас и вправду хорошо поболтало в начале. Но авиация — самый безопасный вид транспорта.

Я не стал его переубеждать. Должен же, в конце концов, кто-то верить в то, что мир создан всеблагим Богом и в прочее в этом духе. Иначе кто будет покупать подержанные автомобили?

Москва — огромная мясорубка.

Из года в год, из жизни в жизнь человек, перемалываемый ее жерновами, бегал по кругу. Он бежал от дома к метро, прыгал с Сокольнической линии на Арбатско-Покровскую и спешил дальше, сквозь пропитанное смогом пространство к крыльцу ненавистного офиса. А вечером тот же путь в обратную сторону. Поспешный ужин, короткий сон и очередной забег. Забег до трехнедельного отпуска, до пенсии, до смерти. Курс английского в утренних пробках на Ярославском, новый роман Пелевина между Кунцевской и Партизанской, вывод американских войск из Афганистана в ближайшем бистро. Все на бегу, в вечной спешке. По ежегодно перекладываемой мостовой Пресненской набережной, по зазубринам переулков Замоскворечья, по шлифовальному кругу великих колец, стирая себя в горькую пыль, пока на смену ему со всей страны на переполненных поездах и самолетах поспевали новые люди — очередное сырье для не знающей сбоев системы валов и ножей.

Стоило спуститься по трапу, как Москва обступила меня плотной толпой. Мимо пункта выдачи багажа и дорогих кафе Домодедова людской поток вынес меня к автоматическим дверям, буквально вышвырнув в наполненный автомобилями мир.

— Такси! Такси! — послышалась приправленная азиатским акцентом русская речь. — Недорого. Такси! Такси!

Зная по опыту, что это «недорого» на деле окажется в несколько раз накладней поездки на «Убере», я поспешил к остановке, запрыгнув в первый же микроавтобус, направлявшийся к метро.

На шоссе, конечно же, было не продохнуть. Три полосы, включая выделенку, и ни один ряд не двигался с места. Как назло, день обещал быть жарким. На часах девять утра, а солнце припекало вовсю. То и дело мы останавливались, зажатые со всех сторон источающими угарный газ машинами, и ощущение в этот момент было, словно находишься в русской бане. Как они все тут живут? Это же настоящая преисподняя! Должно быть, после смерти сюда попадали неисправимые грешники, водители, садившиеся за руль в состоянии алкогольного опьянения, с истекшим полисом ОСАГО. Теперь они безропотно направлялись в Москву, чтобы простоять там бесчисленное количество времени на запрещающих светофорах, пропустить по бесчисленным «зебрам» бесчисленных клерков и стариков, уступить дорогу сотне трамваев и еще целую вечность потом искать на парковке свободное место.

Удивительно, как им удавалось сохранять самообладание? Не свихнуться, наблюдая за тем, как навигатор вместо того, чтобы с каждой минутой, отбытой в пробке, сокращать время прибытия, упрямо его увеличивал. Только водитель черного «порше-кайен» выказывал недовольство. Заскочив перед нами на выделенку, он теперь неистово сигнализировал водителям левого ряда, чтобы они его пропустили обратно. Дурак, и очень возможно что редкостный. Но сейчас он был единственным нормальным человеком во всем этом заторе. Человеком из плоти и крови. Человеком, который нервничал. Я и сам уже был готов оплатить нашему водителю парочку штрафов, лишь бы он свернул на обочину или увязался за «скорой», промчавшейся только что с включенной сиреной. Да что говорить? Я был готов оказаться внутри этой «скорой», пусть даже подключенным к аппарату жизнеобеспечения, только бы прорваться скорее к столице.

Наконец вдалеке показалась Московская кольцевая. Медленно, продвигаясь вперед лихорадочными рывками, мы оставили ее позади. Автомобильный поток поредел, и вскоре маршрутка очутилась у подземного перехода с венчавшей его ярко-красной буквой «М».

Обосновавшись в ближайшем «Макдональдсе», я решил еще раз изучить предложение «Авто.ру». Да и перекусить было нелишним. После минеральной воды авиакомпании «Победа» меня мучил нешуточный голод.

Интересно, задавались ли вы когда-нибудь вопросом, что стало с современным искусством? Куда оно подевалось? Ведь когда речь заходила об этом, всевозможные искусствоведы, критики и прочие дармоеды в очках преподносили нам, неискушенным в прекрасном людям, нечто невразумительное. Вместо «Тайной вечери» и «Моны Лизы» какие-то разноцветные кляксы на белом, как штукатурка, холсте или кучи дерьма в виде людей или людей в виде дерьма. Комбинаций великое множество, но суть одинаковая. Даже Третьяковка и Эрмитаж открыли свои затхлые от медленно тлеющих полотен Рембрандта залы для этой абракадабры. Можете поверить мне на слово, я бывал на нескольких выставках. Не то чтобы меня беспокоил упадок современной культуры. Как любой тридцатилетний мужик, занятый семь дней в неделю поисками халтуры, на которой можно срубить побольше бабла, я интересовался искусством только для того, чтобы мысленно зачеркнуть этот пункт в воображаемом списке планов туристического турне по столице. Все равно что побывать на море и не искупаться. Друзья засмеют.

В общем, узрев однажды на одной из таких выставок чей-то непереваренный ужин с подписью «Большой взрыв», я принялся с тех пор ходить в свободное время по столичным пивным.

Вот где подавали настоящее крафтовое.

Как бы там ни было, я задумался над всем этим. И скоро понял, что искусство на самом деле никуда не исчезло, оно просто мигрировало на интернет-ресурсы по продаже машин. Что, в общем-то, неудивительно. Каждому мужику, решившему выгодно избавиться от своего драндулета, волей-неволей приходилось переквалифицироваться в Пикассо. Даже если всю жизнь перед этим он ездил по вахтам и путал живопись с литературой.

Просто взгляните на эти, не побоюсь этого слова, профессиональные (хоть размещай на обложках глянцевого журналов) снимки ржавых, битых, перекрашенных на сто рядов, бывших в употреблении автомобилей, и вы со мной согласитесь. Автомобилей на фоне леса, заснеженных гор и горных речек, автомобилей в лучах восходящего солнца или на фоне суровых индустриальных ландшафтов. А чего стоили ракурсы?! Несчастные колымаги фотографировались анфас и в профиль, с балконов многоквартирных домов и из ям автосервисов, с расстояния в пять микрометров и из соседних кварталов. Даже самая потрепанная российскими дорогами машина выглядела на таких снимках гораздо дороже денег, что просил за нее собственник. Как страшные девушки на сайтах знакомств. Если у машины, скажем, не было переднего бампера, она никогда не снималась в лоб, а все как-то вскользь, под углом в шестьдесят градусов. Только ночью делалась наконец заветная фотография искореженной морды с включенными противотуманками и дальним светом, чтобы на засвеченном снимке были видны лишь общие очертания продаваемой собственности. И так далее.

Описания под фотографиями и вовсе заслуживали Нобелевской премии по литературе. Даже в напрочь заезженных текстах из разряда «небитая, некрашеная и все жидкости поменяны» всегда находилась изюминка, парочка оригинальных фраз типа «Мамой клянусь» или «Считаешь, что дорого? После просмотра ты сам предложишь мне больше». Некоторые сочиняли объемные стилизации в духе романов Александра Дюма, в которых их машины раскрывали заговоры якобинцев и Ришелье. И читались они не менее захватывающе, чем «Три мушкетера». У других получались любовные романы. Третьи травили байки. Если бы я был издателем, то обязательно выпустил книгу с подборками этих перлов. Уверен, она разлетелась бы неслыханным тиражом на тридцати семи языках мира, включая язык индейцев навахо, побив по популярности такие бестселлеры, как «Зулейха открывает глаза» и «Шестьдесят девять способов удовлетворить проститутку».

В общем, вместе с углеродно-белковыми гамбургерами папаши Макдональдса я поглощал и духовную пищу, запивая все это дело вышибающей слезу умиления газировкой. У меня было двадцать три объявления. Спустя десять минут я оставил в избранном пять, но каждое было прекрасней Сикстинской капеллы и «Квадрата» Малевича, вместе взятых.

Часовая поездка в метро, и я оказался на Тимирязевской, где меня дождалась ядовито-желтая «мазда» две тысячи пятого года выпуска. При беглом взгляде на автомобиль я понял, что лоханул. Машина была ржавой насквозь. Фотошопил он фотографии, что ли? Признаться, я сам частенько прибегал к помощи компьютерных технологий. Мелкие косяки, которые после мойки машины были отчетливо видны на снимках, я старательно закрашивал в проге, прежде чем опубликовать объявление. Через несколько дней рыжики и царапины скрывала дорожная пыль. Если не знать, где смотреть, ни за что не увидишь. Но тут, по всей видимости, работал профессионал, хорошо разбиравшийся в цветокоррекции и монтаже. На фотографиях машина смотрелась как новенькая, на деле на ней не было живого места.

— Прокатимся? — предложил продавец, явно рассчитывая избежать таким образом детального осмотра машины.

Только подумать! Молодой парень лет двадцати, и уже такая прожженная сволочь. Я в его годы сутками напролет играл в «Морровинд» и знать не знал о том, что всем в этом мире заправляют баблосы.

— А какой смысл? Машина дырявая насквозь.

— Поверьте, — взглянув на мой дорожный рюкзак за спиной, произнес парень голосом торгового менеджера «Эльдорадо», — более живой «мазды» за эти деньги вам не найти. Вы, наверное, приехали ко мне в первую очередь? Если бы вы сначала взглянули на то, что предлагают другие, так бы не говорили. Простите, но это чистая правда.

— Капот открыть можно?

— Конечно.

Стаканы едва держались на своих почетных местах. Любая среднестатистическая кочка Костромской области могла вызвать большие проблемы в виде вырванных стоек и вызова эвакуатора. К тому же подкапотное пространство было с ног до головы в масле. Бежала прокладка головки, бежали сальники, бежал гидроусилитель руля. Да и по морде машина получала прилично. О чем свидетельствовали сорванные на крыльях болты и искореженный «телевизор». И за все про все он хотел невообразимые двести пятьдесят тысяч. Если на него не найдет проклятие лопух, который все равно однажды купит это корыто, пацан пойдет далеко. Выбьется в олигархи, приобретя контрольный пакет акций «Дженерал моторс», как знать?

— За двести отдашь? — спросил я из чистого интереса.

— Нет, чересчур мало.

— Ну-ну, — произнес я, поправляя рюкзак.

Следующая машина была ничего. Двухлитровая, на палке, с агрессивной решеткой радиатора. У таких комплектаций имелся свой покупатель, только цена немного кусалась. Да и расход топлива у стопятидесятилитровых моторов был диким. Ближе к Сибири машина поднимется в стоимости, как доллар после Карибского кризиса.

— Собственник? — спросил я любителя японского автопрома.

— Собственной персоной, — произнес он.

— Значит, в ПТС твоя фамилия?

— В ПТС вписан тесть. Он уже старый, попросил продать за него.

Честно говоря, мог придумать историю получше. Я хоть и был перекупщиком, но сам старался с ними не связываться. Если возникнут проблемы, Москва далеко, решить ничего не удастся. Да и страшных историй среди нашей братии ходило немало. Покупаешь такой аппарат, а на выезде из столицы тебя останавливают: «Вылезай, машина в угоне!»

Понятное дело, «мазда» была в идеальном состоянии. Со слов продавца. Только левое крыло не в цвет, но без грамма шпакли. Со слов продавца. И задний бампер висел, как подошва голодной туфли. Отлично приклеится на «Roxipol». Нужно лишь хорошо придавить на пару минут. Лучше это делать вдвоем. И он показал мне, как и что нужно делать, пригласив жестом руки присоединиться к его пантомиме. Вместе мы придавили бампер к крышке багажника и подержали положенный срок. По словам продавца, он уже делал это миллион раз. На его предыдущей машине, «тойоте-королле» в сто сороковом кузове, бампер на «Roxipol'e» продержался два года и до сих пор, должно быть, не отвалился. К сожалению, пришлось продать ласточку. Уж больно ненадежные вариаторы. А контракт стоил целое состояние.

— Прокатимся, чтобы у тебя сложилось полное представление?

Мы сели, пристегнулись ремнями, и продавец повернул ключ в замке зажигания. Машина залилась продолжительным смехом, а-ля Джонни Депп в «Страхе и ненависти в Лас-Вегасе», и умолкла.

— Долбаный стартер. Целый день вчера ездил, ничего. Только на осмотр пришел человек, как он начал выделываться.

— Закон подлости, — подтвердил я. — Без него никуда.

Солнце перевалило зенит, а я только зря терял время. Можно было запросто избежать беготни, если бы люди писали в объявлениях правду и ничего, кроме правды. Покупатель один черт все увидит. Для этого не нужно быть механиком восьмидесятого уровня. Но все вокруг только и делали, что искали единственного и неповторимого лоха, одного на тысячу, на миллион, который с радостью и не торгуясь купит их драндулет.

С пятой попытки машина все-таки завелась.

Яростно воткнув передачу, продавец рванул с места. Первым же делом ему захотелось продемонстрировать мягкость хода подвески, поэтому, разогнавшись до восьмидесяти километров, он с сумасшедшей ухмылкой направил автомобиль на лежащие полицейские.

— Слышишь? Даже не скрипнула! — прокричал этот маньяк.

— Ну, а что с коробкой? Не вылетает?

— Сейчас сам увидишь!

С дублера мы выскочили на проспект, принявшись стремительно набирать скорость. Разогнались до сотни, до ста двадцати, и все это на второй передаче. Двигатель ревел, будто его пытали паяльной лампой. Казалось, из-под капота сейчас вылетят поршни. Неужели он вправду думал, что подобный тест-драйв способен привлечь покупателя?

— Коробка отличная, — орал психопат, перекрикивая рев мотора. — Даже на повышенных не вылетает. А как тянет движок? Если любишь езду с ветерком — эта тачка как раз для тебя.

Впереди показалась пробка. Я чуть не вылетел в лобовое стекло, когда продавец ударил по тормозам. Заложив лихой вираж, он перестроился на выделенную полосу и снова принялся укладывать стрелку спидометра.

Не доезжая камеры видеofиксации нарушений, он ловко вернулся на проезжую часть, затормозив до скорости движения потока. Я чуть было там же не двинул коньки, задушенный впившимся в шею ремнем безопасности. Благо смертная казнь продолжалась недолго. Лишь камера пропала из виду, психопат вернулся на выделенку, переставив ногу на газ. Меня уже мутило от этих безумных маневров, а он как ни в чем не бывало орал, скалясь своей невменяемой улыбкой.

— Слышишь, как рокочет движок? Песня!

Развернувшись по «клеверу», мы помчали в обратную сторону. Движение в центр было свободней, и уже через пару минут мы оказались на прежнем месте, живые и невредимые. Я поспешно отстегнулся и выскочил наружу, пока продавец не выкинул еще какой-нибудь трюк из разряда «Не повторяйте. Выполнено профессионалами».

— Спасибо за демонстрацию, — сказал я, тщетно пытаюсь унять сердцебиение.

Больше испытывать судьбу не хотелось. И я решил посетить автомобильную площадку по Новорижскому, где стояла не слишком убитая «мазда» две тысячи восьмого года по невероятной сладкой цене.

Проверив на сайте компании «Ford», является ли данный автосалон официальным дилером производителя, я уже не сомневался, что мне нужно именно туда. Ценник такие площадки ставили адекватный, и иметь с ними дело было так же безопасно, как со швейцарским банком. Прежде чем принять автомобиль по трейд-ину, они досконально проверяли его на юридическую чистоту и все прочее. Они даже подготавливали диагностическую карту с перечнем технических неисправностей, обнаруженных в автомобиле. Единственная опасность была угодить к «черному» дилеру. Они тоже позиционировали себя как официалы, но на деле являлись обыкновенными перекупщиками мошеннического уклона. У них всегда были акции. Машины продавали на тридцать процентов дешевле рыночной стоимости. Но когда человек подписывал до-

говор купли-продажи, то выяснялось: чтобы получить ПТС, придется заплатить дополнительно энную сумму денежных знаков. И порой эта сумма равнялась уплаченной ранее. Вот почему было так важно удостовериться, что ты имеешь дело именно с официалами, а не с конторой «Рога и копыта».

— Здравствуйте, чем могу вам помочь? — вежливо обратился ко мне менеджер в пиджаке и при галстуке, когда я прошел внутрь остекленного здания фирменной бело-синей расцветки.

Я выдал ориентировку на интересовавший меня автомобиль, приметив в глазах менеджера промелькнувшее недовольство. Понять его было можно. Выходить на солнцепек, где стояли подержанные автомобили, да еще и в полной боевой амуниции — удовольствие не из изысканных. Но он все же смирился. И достав из сейфа ключи, дал знак следовать за ним.

Вскоре мы оказались снаружи, среди бесконечных рядов бывших в употреблении автомобилей. Машин второй свежести. Машин-пенсионеров. Они так долго колесили по разбитым направлениям нашей страны, что втайне, должно быть, мечтали о пресесе. Голубая мечта молодости, свято веря в которую они когда-то сошли с заводского конвейера, теперь, вероятно, вызывала у них только улыбку, горькую, как не менявшееся сорок тысяч километров моторное масло. Мечта о гладких, как зеркало, автострадах, завораживающих дух серпантинах и нежно щекочущих покрышки гравийных дорогах, идущих мимо кукурузных полей и будто бы нарисованных добрым художником *American village*, — все это было планомерно выбито из их еще не прошедших обкатку поршней пинками и апперкотами беспризорной российской дороги. Сотни тысяч пройденных километров сейчас явственно читались на их выцветших, десятки раз перекрашенных и зашпаклеванных, изможденных телах.

— А вот и ваша «мазда», — расстегивая пуговицы на пиджаке, безрадостно выдал из себя менеджер.

Действительно это была она. Точь-в-точь как на фото. Не лучше, но и не хуже заявленного. Главное, что не обнаружилось сюрпризов в виде проржавевших до состояния древесного гриба тормозных дисков и прочих трудноустраняемых вещей.

Я обошел машину вокруг. Первое впечатление самое важное. Игнорировать это чувство нельзя. Если, конечно, не хочешь расплачиваться потом за свое легкомыслие долгой геморройной продажей. Но сейчас мое сердце молчало. Машинка была ничего. К тому же ее недавно покрасили, отчего смотрелась она значительно младше своего возраста. А стояла каких-то жалких три сотни. Против четырехсот пятидесяти, которые попросили бы за нее в Абакане. На вес и то бы вышло дороже.

— Заведем ласточку? — предложил я.

— В салоне лежит диагностическая карта, — снимая пиджак, произнес менеджер. — Ознакомьтесь, пожалуйста, с ней. Может быть, вообще передумаете дальше смотреть.

От нагретых солнцем до миллиона градусов по Цельсию автомобильных рядов исходило адское пекло. Согласен, было от чего потерять рабочее настроение. Но я твердо решил купить эту «мазду», какие бы препоны мне ни чинил менеджер.

Достав из бардачка документ, я принялся вчитываться в режущие глаза буквы. «Неисправен кондиционер» — значилось под первым пунктом. Да и черт с ним, с кондиционером. Значит, домой поеду с открытыми форточками, и все дела. «Горит датчик двигателя». И это мелочь. У каждой второй подержанной «мазды» горел чек. Лямбда зонд. Так обычно я говорил. На работу мотора никак не влияло. «Лопнул пыльник задней левой стойки», «требуется замена сайлентблоков передних рычагов подвески», «требуется замена рулевых тяг» и далее в этом же духе. Всего десять пунктов. Исправить не составит труда, особенно если прибегнуть к помощи братьев наших меньших китайцев. В «Автотрейде» я куплю это все по цене мешка картошки старого урожая,

а ремонт произведу в гараже друга, проставившись пивом со свинными ушами. Благо руки у меня росли из нужного места.

— Не обязательно, что это все придется делать сегодня же, — наконец-то решил поиграть в продавца менеджер. — Возможно, вы отъездите не один месяц, прежде чем обозначенные неисправности дадут о себе знать.

— А что за посторонний шум из-под крышки клапанов?

Расстегнув верхнюю пуговицу на рубашке, менеджер все-таки завел двигатель. Сквозь плотный, абсолютно ровный шум мотора едва слышно подвывал ролик натяжителя ремня генератора.

— Заворачивайте, — произнес я.

Разве может быть что-то лучше дороги?

Когда ты едешь и едешь вперед, останавливаясь лишь для того, чтобы заправить машину и перекусить. Под Нижним Новгородом будет утро, под Уфой — ночь. И бог его знает, где найдет тебя снова солнце? В Кургане или, быть может, в Омске? Или ты пробьешь колесо и встретишь рассвет в Башкирии, глотая кружками черный кофе в придорожной столовой.

Только в такие моменты чувствуешь себя по-настоящему свободным, как первый человек на Земле. Перед тобой великая страна без конца и края, страна-исполин, настолько огромная, что гони машину хоть целыми сутками, а противоположного края все равно не достигнешь. Тайга сменится равниной, равнины — горами, горы — тайгой, а дорога, как прежде, будет упрямо вести к горизонту. И пусть в какой-то момент придет страх, что ты не осилишь всего расстояния. Пусть в голове от усталости начнут путаться мысли, спина затечет, а пятая точка превратится в доску. И мир сократится до дорожной разметки и знаков. Пускай! Ведь страх и усталость — тоже свобода. И пробитое колесо. И оборвавшийся ремень генератора черт его знает в какой глухомани. И гололед на перевалах Урала с ушедшими в кювет фурами, в то время как ты на летней резине. Бодрящий, как нашатырь, дух авантюризма, столь редко встречающийся в обывательской жизни, что за него можно принять воскресные походы в кино и ссору с кассиром «Пятерочки». Тот самый авантюризм, толкавший Колумба плыть в неизвестность на запад. Не ради денег и славы, во всяком случае ради них не в первую очередь. А ради ощущения полноты бытия. Самого мощного ощущения, испытав которое однажды ты уже ни за что не захочешь влачить оседлое существование.

Вот и сейчас я мчал вперед наперекор одолевавшей усталости. Нижний Новгород, Казань, Набережные Челны. Опустив стекла, чтобы холодный ветер привел меня в чувство, я врубил музыку. Тяжелые рифы перегруженных электрогитар били в голову, как крепкий кофе. И я начинал верить, что с приходом нового дня доберусь до Екатеринбурга, где сниму номер в гостинице и как следует выплюсь.

Сон — первый враг перегонщиков. Это правда. Сколько отличных ребят сошло с трассы! И все из-за азарта, из-за нашептываемой самим дьяволом мысли: «Еще чуть-чуть, самую малость. До Перми, до Екатеринбурга, до Омска». Но ночной марш-бросок имел свои преимущества. Трасса свободна, так что не нужно подстраиваться под черепаший ход фур, идти на рискованные обгоны при нулевой видимости, нервничать, приткнувшись в очередной раз за тихоходом. Даже никуда не спеша, к утру можно осилить внушительное расстояние. К тому же я хоть и не был романтиком, но ночная дорога меня неслабо впечатляла. Все эти неоновые огни автозаправочных станций и придорожных кафешек, иллюминации больших городов и, конечно, рассветы. Еще долгое время после возвращения домой мне снились рассветы, которые я встретил в пути.

Решив купить кока-колы, я остановился на первой попавшейся автозаправочной станции. Где-то в глухом лесу, на самом краю цивилизации. Если б вдали завывали вол-

ки, я этому бы не удивился. Ни освещения, кроме звезд, ни мотеля, ни обширной парковки с фурами дальнобойщиков, как это обычно устроено на федералке. Лишь древние колонки из фильма «Москва слезам не верит» с круглым табло наручных часов.

Выбравшись из машины, я двинулся к ближайшему зданию. Прошел по темному коридору, в конце которого горел свет. Зашел в открытую комнату. За столом сидел пожилой охранник и мирно разгадывал сканворд.

— Работаете? — спросил я.

— Что вы здесь делаете? — испуганно произнес он.

— Мне нужно заправиться.

— Немедленно покиньте данное помещение. Это частная территория.

Ну вот, стоило сделать привал после длительного перегона, как со мной начинали происходить нелепые ситуации. Наверное, мне все же хотелось спать сильнее, чем я думал.

— Мне нужно заправиться, — тупо повторил я.

— Магазин на въезде!

Действительно, на въезде стояло еще одно здание. С равной долей успеха его можно было принять за общественный туалет или строительный вагончик с тысячей и одним узбеком внутри.

Колокольчик над дверью безжизненно звякнул, когда я вошел.

— Слушаю? — тут же поднялась откуда-то из-под стойки заспанная продавщица. Видимо, у нее там была раскладушка или что-то вроде того. — Желаете перекусить или заправиться?

Она явно была лучшего мнения о моем физическом и психоэмоциональном состоянии. Прежде чем ответить на этот вопрос, мне требовалось, как минимум, выспаться. Поэтому я молча прошел к холодильнику с газированными напитками. И так, в наличии здесь имелись кока-кола всевозможных объемов и кофе в жестяных банках. Также у холодильника располагалась кофемашинка с десятью режимами варки — все равно что десятая степень над числом N.

По всей вероятности, я простоял у холодильника дольше, чем мне показалось. Женщина за прилавком успела за это время проснуться. Смотрела она на меня неприветливо.

— Это все? — враждебно спросила она.

— Нет, — взяв с прикассовой стойки четыре пакетика черного кофе, произнес я. — Вот теперь все.

Продавщица присвистнула.

— Если сердце забарахлит — набирай сто двенадцать.

Я помчал дальше. Небо на востоке светлело, и в полях за окном угадывались очертания нефтяных вышек. Сейчас я, конечно, не обращал на них никакого внимания, но в первый свой перегон, помню, немало им удивлялся. Многое тогда было в диковинку. Я не жалел времени и заезжал во все города, мимо которых проходил мой маршрут, снимал там квартиры и до позднего вечера гулял по незнакомым проспектам и набережным. Иногда я совершал многокилометровые крюки, чтобы побывать в новых местах. Так я посетил Волгоград с его завораживающей дух громадиной Родины-матери и Рыбинск, где снимались «Двенадцать стульев». Я был в Томске, Барнауле, Выборге, Ростове-на-Дону, Пензе. А однажды на несколько дней вырвался к Черному морю. И везде мне встречалось что-нибудь необычное: ветряные электростанции и зерноуборочные комбайны в начале июля, древнерусские храмы и шведские крепости, белоснежные горы отработанных химикатов и пальмы, росшие возле советских хрущевек.

Уже совсем рассвело, когда асфальт запетлял по перевалам Урала. Многим водителям не нравилось ездить по горной местности: нудно тащиться в потоке без шанса

как следует притопить. Я же находил в этом особенный кайф. Раннее утро, тайга, низкое солнце за верхушками елей и панорамные виды окрестностей. Где-нибудь под Омском или в Кургане, на плоской, будто выглаженной утюгом, равнине машина так и просилась вперед. Взгляду не за что зацепиться. Единственное развлечение — скорость. На Урале же все по-другому. Смотри себе по сторонам. Дыши полной грудью. Вот она — жизнь. Прямо здесь и сейчас.

Дорога то шла круто в гору, то бежала вниз, под откос. Налево, направо, налево. И затяжной поворот на подъеме с расширяющейся для обгона проезжей частью. Сбросив на мгновение скорость, чтобы коробка перешла на пониженную, я снова нажал педаль газа. Машина тут же отозвалась на команду радостным ревом мотора, послушно устремившись вперед. Я обходил фуру за фурой, наращивая темп с каждым проглоченным метром асфальта. Наконец показался последний тяжеловоз и где-то за ним — чехарда белых разделительных линий, предупреждающих о сужении дорожного полотна. Вырвавшись вперед, я вернулся на свою полосу по отозвавшейся предостерегающим гулом разметке. Теперь можно было снова никуда не спешить. Дорога свободна, а с перевала открывалась одуряющая красота, как на полотнах Шишкина в Третьяковке.

Все чаще и чаще стали показываться дорожные указатели. Километры стремительно таяли. Из трехзначных цифры напротив столицы Урала превратились в двухзначные, а те, в свою очередь, с устрашающей скоростью спешили к нулю. Теперь мне уже не казалась такой уж заманчивой мысль о ночлеге. Кто же спит днем? Особенно когда неусидчивый демон внутри так и соблазнял продолжить движение. Только подумать: еще чуть-чуть — и Сибирь. Бескрайние равнины, сияющие на солнце проплешины чистых озер. Все это хотелось отвоевать у пространства. Пусть на мгновение, но почувствовать себя первопроходцем. Заново открыть побережье Америки. Покорить Эверест. Опуститься на дно Марианской впадины.

Поставив себе новую цель — к вечеру добраться до Омска, я проехал Екатеринбург по объездной. В Омске я сниму номер в гостинице, в Омске приму душ, плотно поужинаю и завалюсь на кровать. Я так устал, что, наверное, просплю часов двадцать кряду, не меньше. Но зато и до Абакана останутся всего сутки пути. После оставленного за спиной расстояния это было легкой разминкой. Глазом моргнуть не успеешь, и дома.

Я буквально ощущал во рту вкус говяжьего гуляша, который собирался заказать на ужин, когда на выезде из Тюмени меня остановили гаишники. На обычную проверку это не походило. Сотрудники были в бронезилетах, с перекинутыми за плечо автоматами.

Зэки, что ли, сбежали? Или прилетела какая-то важная шишка?

— Владимир Александрович, откуда и куда держим путь? — ознакомившись с документами, поинтересовался гаишник.

— Из Москвы в Хакасию.

— Ого. Неблизко. По делам ездили или отдыхать?

— По делам, — неохотно произнес я.

Любили они задавать вопросы из рубрики «КоАП-500» и «УК-300». Будто и так непонятно, что я ездил за тачкой. Договор купли-продажи я передал гаишнику вместе с СТС и правами.

— И не страшно вам одному в такую-то даль?

— А кого бояться? Сейчас, слава богу, не девяностые, когда рэкетеры останавливали людей прямо на трассе.

— Ну все-таки деньги везете. А народ у нас дикий.

Можно было поверить, что он действительно проникся заботой о моей безопасности. Даже голос сотрудника сделался по-житейски проникновенным и теплым. Но кле-

вать на эту удочку не следовало. Увидишь в гаишнике друга, и, не ровен час, тебе выпишут штраф за опасное вождение или вовсе оставят без прав. Психологи они тонкие. Слабину чувствуют за версту.

Далеко ходить за примером не нужно. В прошлый рейс меня остановили на трассе перед Уфой (для разнообразия я ехал через Челябинск). Докопались до ксеноновых ламп. Статья-то сладкая. Можно совершить правосудие и на месте, без протокола. Пойти, как говорится, правонарушителю навстречу. Лишь отыскав в Интернете техническое описание автомобиля, я смог доказать, что ксеноновый свет у «мазд» штатный. Тогда гаишники прицепились к габаритным огням и подсветке номера. Правый стоп-сигнал у меня не горел, номер тоже. Сошлись на пятистах рублей штрафа и предупреждении. Пока инспектор заполнял протокол — разговорились. «Как вам живется в Хакасии? Есть ли рыбалка, охота?» Все в этом духе. В конце концов он подобрел до такой степени, что посоветовал быть внимательней за рулем — на трассу здесь выбегали дикие кабаны.

— Деньги перевозить тоже сейчас не проблема, — произнес я. — Закинул на карточку, и все дела. Все равно что под замком спрятал. В трусах ничего больше прятать не нужно.

Гаишник по-доброму рассмеялся. Я тоже улыбнулся в ответ, разминая рукой затекшие шею и плечи. И тут, видно, сказались двое суток без сна. Голова у меня закружилась, я сделал невольный шаг в сторону, едва поймав равновесие. Совсем как пьяный, честное слово.

— Как вы себя чувствуете? — участливо поинтересовался инспектор. — Поспать не хотите?

— Как раз собирался.

— Ну, пройдемте на пост. Проверим машину по базам и сможете следовать дальше.

Мы прошли в двухэтажное кирпичное здание. Главный вход вел в узкий коридор, упирившийся в железную дверь. На стене слева висели цветные плакаты, повествующие о смертельной опасности алкоголя, переписка по телефону и игры в мяч. Справа располагалась стеклянная перегородка, за которой сидели дежурные.

— Проверьте, числится ли автомобиль на учете, — произнес инспектор, протягивая через окошко мои документы. Возможно, мне показалось, но он едва приметно кивнул головой, подав дежурным какой-то сигнал.

В следующую секунду он вышел. Я остался в коридоре один, лихорадочно соображая, каких неприятностей мне стоило ждать. Но ничего не придумывалось. У меня все было в полном порядке, не прикопаешься. Перед выездом я даже оформил электронный полис ОСАГО. Его действие началось сегодня ночью. Но этот кивок! Что-нибудь он ведь должен был значить?

В конце коридора оглушительно щелкнул замок, железная дверь растворилась.

— Владимир Александрович, пописаем в баночку?

— С какой это стати? — произнес я.

— Не переживайте. Простая формальность. Тест на наркотики.

— Но я недавно был в туалете.

— Да? И где именно?

— В Челябинске, — сказал я, тут же поняв, что оговорился. Проклятый недосып, будь он четырежды проклят.

— Ничего страшного, — мило улыбнулся дежурный, — у нас тут волшебный сортир. Писают все без исключения.

Деваться мне было некуда, хоть это все и походило на унижение. Не бить же дежурного в морду? И я наполнил их чертову баночку доверху.

— Ваша моча, — произнес я, выходя из сортира.

Дежурный тут же принялся колдовать над анализами. Он просветил отходы моей жизнедеятельности какой-то пластмассовой штукой, испускающей инфракрасное свечение. Прибор пискнул, и дежурный удовлетворенно отложил его в сторону. Затем деловито распаковал экспресс-тест. Повисла торжественная тишина, как в Иерусалиме за мгновение до снисхождения благодатного огня.

— Похоже, я все-таки вывихнул палец, — послышалось справа.

Я вздрогнул от неожиданности. Наверное, уже попросту спал на ходу. У изолятора временного содержания стоял полицейский коренастого телосложения и усердно разминал правую руку. Судя по всему, за решеткой кто-то сидел. Оттуда слышался неразборчивый говор. Такой утомленный и хриплый, будто принадлежал человеку, две недели проспавшему на картошке. Или которого столько же дней мутузили кулаками.

— В туалет ты теперь у меня сходишь только после суда. Больно бегаешь быстро. Второй раз повторять этот олимпийский забег я не собираюсь. — И он повернулся ко мне: — Дружище, а ты что такой бледный?

— Не спал двое суток. Что вы до меня докопались?

— Да? А может, ты под наркотиками?

— Ну тест у него отрицательный, — вмешался напарник.

— Проверь на расширенном. Он явно чем-то обрадован.

Выкинув экспресс-тест в урну, дежурный достал из кармана небольшую пластинку с продольными цветными шкалами и тоже опустил ее в баночку. Коренастый тем временем приблизился. Вальяжно оперевшись о стену, он скрестил на груди руки, самодовольно уставившись на меня. Я тоже смотрел ему прямо в глаза. В гляделки меня не переиграешь.

— Ну и видок у тебя. Издалека едешь?

— Из Москвы.

— Машину, что ли, перегоняешь?

— Нет, ездил сдавать летнюю сессию в МГУ.

— Ясно. У меня друзья тоже занимаются этим. Берут «крузаков» или «икс пятых». Продали, и считай, две сотки в кармане. Хороший, наверное, бизнес.

— Это уж точно, — отозвался дежурный.

— Ну что там? Что-нибудь показало?

— Положительный тест на барбитураты.

— Ну а я о чем говорил?!

— Владимир Александрович, — вмиг посерьезнев, обратился ко мне дежурный, — наркотики употребляли сегодня?

Как по команде, откуда-то взялись двое в штатском. Понятые, догадался я. Ну и ловко у них здесь все было поставлено.

— Поднимите руки! — приказал полицейский.

Я и глазом моргнуть не успел, как меня обыскали. Вывернули карманы, прохлопали руками одежду, выпотрошили барсетку и кошелек.

В себя я пришел уже возле «мазды». И ни на шаг не отходил от полицейского, проводившего обыск. В следующие пятнадцать минут машина была осмотрена сверху донизу. Бардачок, карманы в дверях, багажник, запаска. Полицейский не поленился даже снять воздушный фильтр и воздухозаборную гофру.

На обратном пути коренастый меня задержал.

— Ну, есть с тобой смысл разговаривать или нет?

— Да я знать не знаю, о чем вы?

— Послушай, мне без разницы, как эта дрянь оказалась в твоей моче. Может быть, я тебе даже верю. Может быть, ты просто перепил корвалола, как знать? Парень ты

вроде бы адекватный. Но существует инструкция. Я вызываю медиков, они проводят медосвидетельствование, а суд решает, что с тобой делать. Можешь попробовать все объяснить там.

— В корвалоле содержится фенobarбитал, — произнес коренастый. — В небольшом количестве, но тест даст положительный результат.

— Я пил его два дня назад, перед вылетом.

— Ничем помочь не могу.

Я добрался до ближайшей гостиницы и, не раздеваясь, завалился в кровать. Но уснуть не получалось. Еще бы. Отдать львиную часть будущей выручки, шестьдесят косарей. Теперь придется скидывать «мазду» первому же покупателю, который предложит за нее хоть какие-то деньги, и снова отправляться в дорогу. После каждого рейса у меня с зубов сходила эмаль, а желудок страдал от приступов жесточайшей изжоги. Я убивал себя за рулем. И никто в старости мне не будет платить повышенной пенсии и не предоставит бесплатный проезд в общественном транспорте. Нужно было заботиться о себе самому, пока позволяли силы.

Я все еще философствовал на тему: «Почему в жизни происходят несчастья?», когда мобильный телефон зазвонил. Чесать языком не хотелось, но не ответить сестре я не мог. На нее тоже в последнее время свалилось много всего, включая тяжелый развод с разделом имущества, потерю работы и нелепое ДТП на парковке торгового центра.

— Привет, родной. Как дела? — спросила она своим бодрим до сердечного приступа голосом. — Как там погода в Москве? По новостям передавали штормовое предупреждение.

Я сразу понял, что с ней опять приключилась беда. Все дело в квантовой физике, картах Таро, эзотерике и фильме «Секрет», который учил своих adeптов смеяться в лицо неприятностям. Нашли ли у тебя рак желудка или неспецифический заворот предстательной железы, признался ли твой ребенок в том, что не испытывает сексуального влечения к сверстникам противоположного пола, или, быть может, по телевизору сообщили, что к Земле летит метеорит размером с Черное море — улыбайся, и проблема разрешится сама по себе. Анурез, диатез, камни в почках — все рассосется, вправится, выйдет с мочой и так далее. Глупо, конечно, но моя сестра верила в эту чушь, как первые апостолы в Иисуса Христа. Вот почему, услышав ее голос в трубке, я понял, что дело дрянь. По этому звуку можно было настроить гитару.

— Все хорошо, Оля. Лежу, отдыхаю в Тюмени, — сказал я, чтобы не нагонять на нее лишней жути. Я слишком устал, чтобы выслушивать длинную проповедь о всеблагих квантах.

— Все правда хорошо? У тебя голос странный.

— Говорю же, устал. Ты, наверное, забыла, но я здесь не на курорте.

И я вывалил на нее все дерьмо. Фортуна слишком изменчива, чтобы держать в ее банке крупные сбережения в виде планов на жизнь и облигаций надежды, а деньги — мираж, за которым мы тщетно гонимся с рождения и до самой смерти.

— Ох, братец, — вздохнула сестра. — Тебе нужно было повременить с поездкой. Не хотела портить настроение перед вылетом, но сейчас не самый благоприятный период для начинаний, особенно в финансовой сфере.

— Да, и в чем дело?

— Ретроградный Меркурий, — сообщила она и, словно испугавшись, что я ее перебью, затараторила: — Можешь смеяться, но астрология не врет. Я убедилась в этом на собственном опыте. Помнишь, когда Петров продавал дедушкину квартиру? Звезды тоже советовали не торопиться. Но он, конечно, меня не послушал. И что в итоге из этого вышло?

Да, история и вправду получилась прескверная. Петров, бывший муж Ольги, почуввав однажды, что их многолетний брак, как говорится, дал трещину, спешно продал доставшуюся по наследству квартиру. Когда же пришло время вложить вырученные деньги в семью, просто развел руками, мол, ума не приложит, куда они могли подеваться. А на следующий день после бракоразводного процесса приобрел «тойоту-кабри» две тысячи пятнадцатого года выпуска, с пробегом тридцать семь тысяч, сплошь в родной краске. Сестре он сказал, что деньги ему одолжил троюродный дядя со стороны племянника отчима брата.

— Оля, — произнес я как можно смиренней, — нужно же предупреждать о подобных вещах!

— Как будто бы это что-нибудь изменило?

— Но ретроградный Меркурий — это ведь не Юпитер в Стрельце...

— Ты надо мной издеваешься? А между прочим, астрологи наперебой утверждают, что в ближайшее время человечество ждут страшные испытания. Болезни, безденежье, мировой кризис. Поэтому сейчас лучше не тратить деньги и не залезать в кредиты. Мобилизовать ресурсы по максимуму, чтобы пережить трудные времена.

— И когда стоит ждать твоих испытаний?

— Уже в конце этого года.

— Значит, я все-таки успею продать пару-тройку машин?

— Не говори потом, что я тебя не предупреждала!

И она повесила трубку. Наверное, обиделась. А я так и не спросил ее: «Как дела?» Тоже мне брат называется.

Домой я вернулся без копейки денег.

О том, чтобы привести «мазду» в порядок, не могло быть и речи. Десять пунктов диагностической карты, к которым я отнесся столь легкомысленно, теперь играли против меня, существенно усложняя продажу автомобиля. Была такая закономерность: стоимость любого вложения в машину можно смело умножать на два при продаже. Стучат ли у тебя стойки, или барахлит стартер, будь готов подвинуться в цене на гораздо большую сумму, чем указано в интернет-магазине. Никому не нужно лишней возни. К тому же неустранимая поломка косвенно указывала на тот факт, что за стальной лошадкой никто не следил и что, скорее всего, она преподнесет своему новому владельцу еще много неприятных сюрпризов в будущем. Одним словом, рассчитывать на хорошие деньги не приходилось. Вернуть понесенный убыток — максимум, на что можно было надеяться, и то при известной доле везения. А его лимит я, похоже, давно исчерпал.

Я отчаянно экономил в попытке придать машине хоть какое-то подобие товарного вида. В сто двадцать рублей обошлась мне мойка самообслуживания, в пятьдесят девять — средство для мытья посуды «Sorti», которым я почистил сидушки, и в шестьсот шестьдесят — канистра моторного масла «Sintec». Неизвестно, из чего делалась эта бодяга, но на щупе смотрелась вполне симпатично. Лучше, чем мазутная чернота, вызывавшая у покупателей подозрения об убитом движке и такой же убитой коробке. Ведь ясно как день, никто не станет утруждать себя своевременной заменой Dextron'a, если ему элементарно плевать на мотор.

Но как оказалось, беды мои еще не закончились. Стоило завести «мазду» после ТО, как из выхлопной трубы повалил сизый дым. Машина курилась, словно Везувий незадолго до извержения. Видимо, прежний собственник не погнушался антидымной присадкой. Не мне, конечно, рассуждать о морали. Все мы люди, не спорю. И никто из нас не без греха. Но это уже, черт подери, было запрещенным приемом, как удар ниже пояса в боксе. На него способны только самые последние сволочи.

Я стоял и смотрел, как моторное масло меняло свое агрегатное состояние, растворяясь в атмосфере парниковыми газами, когда позвонила моя квартирантка. Я не говорил, но после развода приобрел в ипотеку жилье, решил организовать пассивный доход в виде сдачи в аренду недвижимости. Чтобы было на что жить в старости.

— Владимир, добрый день, — поздоровалась девушка.

— Добрый, Анастасия, — произнес я настолько радушно, насколько это было возможно в моем состоянии.

Вот уже год она снимала жилье вместе со своим молодым человеком, исправно пересылая по мобильному банку квартирную плату. Естественно, я успел основательно прикипеть к ним душой. Ведь если вам кажется, что сдача недвижимости — самый безгеморройный доход, который только возможен в наше геморройное время, то вы глубоко заблуждаетесь. Найти непьющих, ответственных, работающих людей, с радостью выплачивающих твою ипотеку, как собственную, еще трудней, чем наткнуться на Иисуса Христа в пивном баре. Поэтому я в буквальном смысле этого слова молился на своих квартирантов. Без шуток. Но по всей видимости, молился недостаточно рьяно.

— Владимир, вчера мы освободили жилплощадь, — послышалось в трубке, — ключи лежат в почтовом ящике.

— То есть освободили? — попытался я переключиться на новые данные.

— Вывезли мебель. Никаких проблем.

Но проблемы как раз таки были.

— Я не понимаю, к чему понадобилось так спешить? Я ведь, кажется, просил сообщить о расторжении договора заранее, а не ставить перед свершившимся фактом, чтобы у меня было время на поиск новых жильцов.

— К сожалению, обстоятельства изменились внезапно.

— Хорошо-хорошо, — произнес я. От всех этих проблем у меня уже ехала крыша. — Я так понимаю, квартирную плату вы перечислите в ближайшее время?

— Какую квартирную плату?

И у нее хватило наглости спрашивать? Всего несколько месяцев тому назад жильцы справили свадьбу, и я великодушно дал им двухнедельную отсрочку, пока они не войдут в колею. В общем, сделал подарок, при том что даже не был в списке приглашенных гостей.

Разговаривать дальше не было смысла. Все очевидно. Сейчас бы эти деньги мне, конечно, не помешали, но тратить время на восстановление справедливости я себе позволить не мог. Оставалось лишь блефовать. Взывать к совести, что я и сделал. Угрожать тяжбой и возмещением понесенных в ходе судебного разбирательства издержек. Что я сделал тоже. В конце концов, искать компромиссы. Не всегда же они будут в затруднительном положении, рано или поздно устроятся на работу, а я подожду. Я ведь добрый самаритянин.

— Послушайте, я беременна, — злобно сообщила Анастасия это радостное известие. — Мне нельзя нервничать. Если вы пойдете в суд, я подам встречный иск об умышленном причинении вреда здоровью ребенку. И вас упекут за решетку. Можете быть в этом абсолютно уверены!

— Ах ты, с...! — вырвалось у меня.

— И предупреждаю, наш телефонный звонок записывается.

Тут у меня задергалась правая бровь.

— Счастливой встречи в суде, — прокричал я. — Посмотрим, кто кого упечет за решетку!

Она что-то закричала в ответ, но я положил трубку. Пусть немного понервничает. Всем нам приходится нервничать из-за денег. Так мы их зарабатываем. И она у меня отработает украденное в полной мере.

— Прямо такая машина, такая. Да, прямо такая, — многозначительно повторял покупатель, прогуливаясь вокруг «мазды». — Ничего не скажешь. Такая машина. Безусловно такая.

— Да, такая, — подтвердил я, чтобы сменить тему.

Покупатель на мгновение умолк. Не нужно было обладать экстрасенсорными навыками, чтобы представить, как он повторял про себя свою мантру. И вид у него был озадаченный. Как у двоечника, пытавшегося найти массу предмета через его объем и плотность материала. Вместо торгашеского вдохновения, когда ты готов продать дьяволу его же собственный ад по цене четырехкомнатной квартиры в Москве, у меня этот тип вызывал лишь зевоту и нетерпение. Нетерпение услышать наконец что-то новенькое.

— А почему дымит? Залегли кольца?

— Форсунки чистил, — ляпнул я заготовленный заранее ответ. Несуветная чушь, если честно, но лучше, чем ничего. — Видимо, химия попалась некачественная. Поддымит какое-то время и перестанет.

— А пробег какой?

— А какой вам больше нравится?

— В смысле? — поднял на меня изумленные глаза тугодум.

Неужели его хоть что-то смогло пробить?

— Полчаса, и я сделаю любую цифру, какую вы пожелаете. Сейчас с этим проблем нет. Сто тысяч, пятьдесят, двадцать? Можно выставить пять семерок, если вы приверженец нумерологии. Или вы верите всем этим объявлениям на Дроме?! Машине во вторник сто лет исполняется, а судя по показаниям одометра, дальше булочной она сроду не ездила. Нужно исходить из технического состояния автомобиля. Это информативней.

— И все-таки? Много проехала?

— Двести восемьдесят, — сказал я.

Вот что значило продавать машину, как есть. Вместо того чтобы устранить проблему за деньги, приходилось дуть покупателям в уши. Нейролингвистическое программирование в чистом виде.

— Наверное, колечки все-таки залегли, — произнес серийный убийца гештальтов и эдиповых комплексов. — Вот и дымит. Да и коробка, скорее всего, подходит к концу. На таком-то пробеге!

— Вы не судите о японцах по отечественному автохламу. На пробеге в триста тысяч у «мазд» начинается вторая молодость. Отъездите еще ровно столько же, если не больше. Только расходники менять будете.

— Ясно, — тоскливо произнес тугодум.

— В таком случае удачной покупки автомобиля со скрученными показаниями пробега, — сказал я, прекрасно понимая, что дальше болтать с ним нет смысла. Ибо худшая категория дураков — дурак рассудительный.

А вообще, жизнь — сложная штука. Иногда самая откровенная развалюха отлетала, стоило ее только выставить, а достойный автомобиль не продавался долгие месяцы. И не всегда на это имелись объективные причины. Я не был мечтателем и, как правило, просил адекватные деньги. Не можешь позволить себе аппарат в ОТС, возьми чуть похуже. Со временем ты приведешь все в порядок, зато уже сейчас — не завтра и не послезавтра, которые, может быть, никогда не наступят! — будешь кататься на «мазде». Лучше беспроцентного займа. Однако попробуй объясни это все приходившим на осмотр чудакам, имевшим подчас весьма странные представления о мироустройстве и о своем собственном положении в этой системе.

— Коробка на твердую четверочку, — подводил итоги один из таких клоунов. — С кузовом тоже проблем я не вижу. Без дыр, рыжиков и шпакли. Задний бампер нужно только выставить по зазорам. Но некритично. А вот с двигателем беда.

И он надавил педаль газа, разогнав обороты до четырех тысяч. Тут же поднялось плотное облако сизого дыма. С перепугу можно было решить, что машина горит и нужно срочно бежать за огнетушителем.

— Сколько стоит контрактный движок? — устало спрашивал я. — Тысяч шестьдесят, верно?

— Пожалуй. Шестьдесят плюс установка.

— Ну так я уже заложил замену мотора в стоимость. Или ты рассчитывал купить за эти деньги беспробегную машину из автосалона? Тридцать лет, считай, живем при свободном капитализме. Должен, наверное, понимать, что чудес не бывает.

И я на пальцах ему объяснил, что автомобиль с прогоревшими клапанами — самое удачное приобретение в жизни после дальневосточного гектара и телевидения «Орион-телеком». За среднюю цену по рынку он покупал не только превосходную «мазду», но и контрактный движок made in Japan. Заливай «митасу» пятой синтетической группы и эксплуатируй в свое удовольствие, пока не наживешь геморрой. И никаких страхов, что прежде мотор твоей ласточки безбожно ушатывал какой-нибудь мажор с юридического. Только педантичный японец, любивший сей агрегат больше жены и карьеры, даже больше робототехники, чего уж там говорить.

— Звучит заманчиво, но, пожалуй, нет, — произнес покупатель.

— Поверь на слово, у каждой подержанной машины куча проблем. Люди пока не выжмут из тачки все соки, от нее не избавятся. Все равно ты вляпаешься, так или иначе. А тут хотя бы знаешь во что!

— Наверное, я и впрямь чересчур привередливый. Второй месяц езжу по объявлениям. Просмотрел машин сто, не меньше. Но не брать же первый попавшийся вариант?

«Вот оно что», — грустно констатировал я. Образец того великого множества неудовлетворенных людей, которые под видом покупки машины лечили свои детские комплексы и взрослые страхи по поводу расширения на восток коалиции НАТО. Люди с кучей свободного времени, направь которое они в плодотворное русло, и давным-давно скопили бы на автомобиль с целлофанкой на креслах.

— Мой телефон у тебя есть. Если что, позвонишь.

Видимо, мне стоило поплевать через плечо да хорошенько перекреститься, постукав по дереву дюжину раз. Потому что с этого момента подобные типы меня буквально взяли в осаду. Попадались даже старые знакомые, которым я уже безуспешно что-то пытался продать. Целую вечность назад. Только подумать, они так и не определились, в какой ПТС вписать свою дражайшую фамилию с именем-отчеством.

— А-а-а, это опять вы? — завидев меня, радостно восклицали они.

— И вы, — отвечал я без энтузиазма.

— Значит, специализируетесь на «маздах»? А случайно, еще чего-нибудь у вас нет? Скажем, «тойоты-короллы» в сто сороковом кузове?

— С вариаторами не связываюсь. И вам не советую.

— Жаль, очень жаль.

— Взаимно.

Иные, стоило выйти из подъезда, звонили на телефон.

— Извините, мы у вас были.

— Уверены? — спрашивал я, оглядываясь по сторонам. В пределах видимости не наблюдалось ни единой живой души. И ни одной незнакомой машины. Я даже поднял глаза. На дроне они, что ли, сюда прилетели?

— Да-да. У вас тогда была серая «трешка».

Серая? Значит, минуло пять месяцев. Поразительно.

— А как насчет красной?

— Нет, спасибо. Извините за беспокойство.

Другие, напротив, находили наше знакомство отличным поводом для консультаций. И напоминало это разговор двух закадычных друзей, обсуждавших под пивом женщин или в какой-то бар им лучше свалить.

— Вот посмотри. Вчера ездил смотреть.

— Хм... Ничего такой аппарат, — отвечал я, взглянув на фотографию в протянутом телефоне.

— Да и просят немало. Четыре сотки.

— Ну а что? Ценник на машины только растет.

— Зато она — настоящая пуля, — оживлялся покупатель. — Турбовый движок на два с половиной, кожаные сиденья, бортовой компьютер с ЖК дисплеем. И широкая, как корабль. Ощущение, будто плывешь, а не едешь.

— Клевая, — подтвердил я. — Только на сиденья лучше накинь чехлы. От кожи одни проблемы. Летом — раскаленная сковорода. Зимой — ледышка. Пока отогреется — простатит заработаешь.

Спустя месяц подобной автономной некоммерческой деятельности мне пришлось устроиться на подработку в такси. Не мог же я питаться одной водой и солнцем? А тут хоть какая-то копейка.

— «Мазда»! — замороженно выдыхали клиенты, пристегиваясь ремнями безопасности.

— «Мазда», — отвечал я.

— Ген, слышишь, а все говорят, что таксисты плохо живут!

Впечатление я производил, должно быть, такое же, как африканский слон в Арктике. Можно было показывать детям в цирке. Даже самого бомжеватого вида клиенты, прежде чем закрыть за собой дверь, обстукивали ноги от снега, чтобы, не дай бог, не испачкать салон. А я-то думал, что работа в такси — это сплошные разборки. Ничего подобного. Брошенная мною в багажник деревянная бита так и пролежала всю дорогу без дела. В конце концов я даже забыл, что она существует, искренне задаваясь вопросом: «Что это так сильно стучит в районе задней левой арки на кочках?»

Почти каждые выходные я заводил себе по новой подруге. Достаточно было выйти в пятницу на «ночную охоту», как называли эти безумные смены менеджеры такси, и покатать пьяных девчонок по клубам.

— Какая классная тачка, — рано или поздно восклицала какая-нибудь мадмуазель. — Хочу себе точно такую же.

— Значит, обязательно будет. Наши мысли материальны.

— Точно! Я ведь так тоже считаю. Давай с тобой выпьем за это, — кричала она, протягивая пивную бутылку. — За то, чтобы все мечты обязательно исполнялись.

— С удовольствием, но только после работы.

— Фу-у-у. Не будь занудой. Разве ты не можешь в любой момент сняться с линии, или как это у вас называется? И не говори, что это твоя основная работа, а дома тебя ждут трое детей.

Тут я наворачивал трогательную историю об успешном, но одиноком перегонщике автомобилей, который одного общения ради выходил работать в такси. Бессонница — самый распространенный недуг нашего времени после сердечно-сосудистых и онкологии. Остальное было уже делом техники. Вместо оплаты я брал номерок, обещая позвонить к закрытию клуба. А сам отправлялся напрямик в магазин за шампанским и презервативами.

Одним словом, уважал наш народ «мазды». А моя, верно, была проклятой. Может быть, в ней кто-то умер, и теперь его неприкаянный дух промышлял тем, что питался энергетикой новых владельцев? С таким редким везением, как у меня, поневоле поверишь в потустороннее.

— Продаешь? — спрашивали особенно пьяные пассажиры.

— Да, вчера выставил на продажу.

— Красавица! И сколько хочешь, если не секрет?

Я называл цену, прибавляя стандартную двадцатку на торг.

— Да ладно! — слышался удивленный возглас клиента. — Вот за эту красавицу ты хочешь всего лишь четыреста двадцать? Я не ослышался? Она же в идеальном состоянии.

— Так покупай. А мне срочно нужны деньги.

— Беру. Прямо сейчас забираю. Отдаешь?

— Разумеется! — пожал я плечами.

Пустой бланк договора у меня всегда лежал в бардачке.

— Только у меня проблемы с банками. А наличкой полтинник. Отдай в рассрочку, дружище! Полтинник прямо сейчас, остальное через полгода! Зуб даю.

Таких покупателей у меня было по трое за ночь. Больше, чем звонков с Дрома. И все они истекали слюной по машине. И все соглашались, что цена адекватная, а подвеска прослужит еще не один месяц, прежде чем к ней придется приложить руки. И ни у кого из них не было денег.

Между тем я наматывал в такси астрономические пробеги. С приходом зимы в «мазде» все настойчивей стали проявляться проблемы из диагностической карты. Застучали в круг стойки, лопнули передние пружины амортизаторов, отчего машина опустилась на брюхо. Я цеплял днищем каждую кочку, а колеи объезжал по обочинам, чтобы не сесть на мель. Вдобавок из выхлопной трубы повалил черный дым, как если бы вместо бензина в двигателе горели покрышки. Не нужно быть Генри Фордом, чтобы понять — это накрылись форсунки, стоимость контрактного комплекта которых брала низкий старт в районе ста тысяч. Было из-за чего вновь запить горькую. А я-то наивно считал, что с корвалолом навеки покончено.

В это трудное время мне позвонил старый институтский товарищ. Мы не виделись тысячу лет, хотя когда-то были не разлей вода. Вместе бухали по пятницам и страстно мечтали однажды замутить совместное дело.

Разумеется, я сразу понял: у Андрея есть какая-то тема.

— Я тут нарыл кое-какую халтуру, — после приветствия и пятиминутного разговора обо всем на свете сообщил он. — Для тебя как раз актуально. Решишь свои проблемы в кратчайшие сроки.

— Давай выкладывай, пока я не сжег на холостых всю горючку. На улице минус тридцать.

Понятное дело, он не предлагал мне спекулировать биткоином. Все, кто мог, на нем уже наварились, а догонять скрывшийся за горизонтом поезд было не в его стиле. Он предлагал вложиться в абсолютно новый продукт. Фенкоин или что-то созвучное. Я не расслышал как следует. Главное, что по всем прогнозам в ближайшие годы он должен был показать неслыханный рост, сделав своих инвесторов долларовыми миллионерами.

— Вкидываться не обязательно, — предвосхищая мои жалобы на безденежье и ретроградный Меркурий, заверил товарищ. — Достаточно зарегистрироваться, получить подарочные монеты и зарабатывать тридцать процентов в месяц посредством одного стекинга. Если не будешь ничего выводить, за год у тебя накопится что-то около пяти тысяч монет. Кто знает, сколько к тому времени они будут стоить.

— А сейчас какой курс? — спросил я.

— Пятьдесят семь рублей.

— То есть к концу года я заработаю триста тысяч?

— К концу года ты заработаешь в десять раз больше. И это без привлечения собственных средств.

- Не хило, я тебе так скажу.
- А разве я когда-нибудь предлагал лажу?

Тут он был прав. Все бизнес-идеи Андрея отличались перспективностью и новизной. На что он только не подбивал меня за последние пятнадцать лет. Вozить мопеды из Владивостока, коптить кур-бройлеров и свиней голландской породы для местной розницы с последующим выходом на региональный уровень, торговать контрафактным «Баккарди», сдавать в аренду спортивные велосипеды в Парке культуры и отдыха, покупать недвижимость в долевое участие, а после сдачи объектов в эксплуатацию продавать их по рыночной стоимости. Андрей крутился, как мог, и я доверял его опыту. Если он говорил, что дело выгорит, сомневаться не приходилось, даже если дело порой и пахивало неприкрытым мошенничеством в духе Сергея Мавроди.

— Вкинешь три сотни, — продолжал он, — и в месяц будешь получать по одной. Ну скажи мне, где еще ты сможешь зарабатывать такие деньги? Явно не в своей богадельне под названием «Ползет».

- Андрей, ты ведь понимаешь, что это все похоже на пирамиду?

— Да какая разница, что это, если оно работает? Скажешь, фондовый рынок — не пирамида? Доллар — не пирамида? Илон Маск — не пирамида? Я же не предлагаю тебе вкинуть бабки в кассу взаимопомощи. За этим делом стоит реальный продукт, продукт будущего — криптовалюта. Уже сейчас в московских ресторанах расплачиваются биткоинами. Помяни мое слово, скоро ими будет осуществляться мировая торговля. Это последний шанс. Если пропустим вспышку, то уже никогда не повезет.

— Ладно, регистрируй меня, а дальше посмотрим, — произнес я, протяжно зевнув. Сказалась давняя привычка к конспирации. Не хотелось показывать, как сильно увлекла меня эта идея.

— Господи, Вова! Люди квартиры продают, чтобы как следует закупиться. Я сам лично с такими знаком. Теперь у них двухэтажный дом в десятом микрорайоне и новенький «икс седьмой». Вкинешь мелочь, потом будешь жалеть, что не отнесся к делу серьезно. Я тебе как друг говорю. Хочу, чтобы мы пошли в гору вместе, как когда-то мечтали. Иначе бы не предложил. И никто бы не предложил. Сам знаешь. Мир так устроен, что если кто-нибудь нароем тему, то будет копать ее в одиночку. Ни с кем не поделится.

Положив трубку, я первым же делом открыл Дром и скинул со стоимости «мазды» тридцатку. Не такие уж это и великие деньги, чтобы жертвовать из-за них своим будущим. Деньгам необходимо крутиться. Пока они лежат мертвым грузом, толку от них никакого.

Вскоре Андрей прислал референтную ссылку. Судя по наводимой им суете, принцип здесь был примерно таким же, как в сетевом маркетинге. Приглашаешь людей, а за это тебе начисляются бонусы в виде повышенного скрининга и льготной комиссии на вывод денежных средств. Что-то в этом роде. Все мы ищем выгоду, даже в отношениях с друзьями. Зато если тема действительно выстрелит, денег хватит на всех. Можно будет жертвовать на благотворительность. На защиту краснокнижных слонов от краснокнижных папуасов Новой Гвинеи. Чистить карму, прокачивать мантры. Глядишь, в одной из будущих жизней и пригодится. Во всяком случае исключать такую возможность нельзя.

Я крутился по городу, выполняя заказы, а в ожидании клиентов разбирался в программе. Скоро на счет мне упали обещанные двадцать халявных монет, которые тут же начали майниться. Невероятно, но факт. Я всегда чувствовал, что экономика Адама Смита — обман. Ребята, придумавшие криптовалюту, лишь подтверждали эти догадки...

- Можно попросить убрать телефон? — обратилась ко мне пассажирка.
- А в чем дело?

— Следите за дорогой, ради Христа. Мы ведь разобьемся!

Я так увлекся процессом, что действительно не выпускал мобильник из рук. Было от чего прийти в ужас, особенно людям старой закалки, как эта мадам. Но я ведь тоже не вчера появился на свет.

— Все под контролем. Можете не волноваться.

— Мужчина, если вы немедленно не уберете телефон, я пожалуюсь оператору. Вы представляете опасность для окружающих. Вас нужно лишить водительских прав!

— В кого мы здесь врежемся? Частный сектор! — пошел я на принцип.

Но видно, удача по-прежнему была не на моей стороне. В следующую секунду машина на всем ходу наскочила на кочку. Удар был такой силы, что у меня потемнело в глазах. Будто кто-то заехал в челюсть.

— Черт подери, — вырвалось непроизвольно.

— Нечего чертыхаться. Сами во всем виноваты, — удовлетворенно произнесла женщина. — В следующий раз будете внимательней за рулем.

— Давайте только без нравоучений, пожалуйста.

Выгрузив проблемную пассажирку, я заглянул под днище машины — проверить понесенный ущерб. Защита прогнулась в месте удара. На кромке металла висела жирная маслянистая капля.

Похоже, я пробил поддон картера.

Ничего хорошего, если честно.

А потом началась вся эта шумиха вокруг нового вируса. Закрывались международные границы, вводились карантинные и комендантские часы. По «Euronews» сутками напролет крутили постапокалиптические сюжеты в духе библейских пророчеств. Поставь по ним фильм, и он взял бы кучу «Оскаров» и «Золотых львов» за лучший сценарий.

В Америке закончилось мясо, в Германии — пиво с сардельками. Швейцарские сыры покрывались на складах грибком и непищевой пылью. Автомобильные конвейеры простаивали, антисептики дорожали, а норвежские рыбаки не могли выйти в море, так как рестораны, куда они сбывали улов, не работали. О чем говорить, если в одном из супермаркетов Испании обезумевшая толпа насмерть задавила трех человек в давке у полок с туалетной бумагой?

Разумеется, когда по новостям передали, что в России выявлен первый случай заражения коронавирусом, мне позвонила сестра.

— Ну, что я тебе говорила? — произнесла она торжествующе.

— Это просто совпадение, Оля.

— Совпадение? Что должно случиться, чтобы ты поверил астрологам?

— Не знаю. Может быть, пусть наконец-то продам мою «мазду»? Что там говорят звездочеты по этому поводу? Меркурий взял курс на восток? Или еще в ретроградном движении?

— Время для продаж сейчас благоприятное.

— Слава богу. А я-то уж думал...

— Не ерничай, братец. Вот увидишь, теперь все получится. А мне пора бежать на маникюр.

Удивительно, но на авторынке действительно наметилось оживление. Напуганные неизвестностью люди стремились как можно скорее избавиться от налички. Дефицитом туалетной бумаги русского человека не напугаешь, а вот девальвацией рубля — запросто. Объявления в избранном списке зачеркивались одно за другим, как однопалубники в «Морском бое». Уходили даже «мазды» с явно завышенным ценником. Из чего они были сделаны? Из чистого золота? Чтобы не смотреться на их фоне ущерб-

ным, я тоже поднял цену машины и переснял фотографии. Фоном мне теперь служил один из торговых центров города. С неоновыми вывесками и всем прочим. И припарковался я поближе к скоплению автомобилей отечественного производства и иномарок эпохи барокко японского автопрома. Моя «трешка» две тысячи восьмого года выпуска смотрелась рядом с ними как инопланетный корабль по соседству с самолетами братьев Райт. Не хватило бы и миллиардов Дональда Трампа, чтобы купить. Я же отдавал за какие-то жалкие четыреста пятьдесят тысяч.

Моя хитрость имела успех — звонки участились. И чем ближе китайская зараза подбиралась к Сибири, тем настойчивей беспокоил меня телефон. Я обнаглел до такой степени, что перестал церемониться с покупателями. За последние восемь месяцев они проели мне плешь.

— Ржавая? — слышал я излюбленный их вопрос в трубке.

— Насквозь. Порогов нет, а в днище дыра. Когда разгоняешься до восьмидесяти, начинает дуть в ноги. Поэтому в комплекте с машиной идут теплые унты. У вас какой размер обуви?

Наконец ясным мартовским утром сделка свершилась. Можно было подумать, что после стольких отсрочек и нестыковок пройти она могла только в особенно торжественной обстановке с распитием «Абрау-Дюрсо» и крепкими рукопожатиями, плавно переходящими в поцелуй. Но жизнь, как всегда, удивила. Приехали заспанные мужики с водочным перегаром и засохшим гноем в уголках глаз, молча постояли возле машины, перекурили. Я постоял с ними рядом, словно и сам видел автомобиль в первый раз.

— Четыреста двадцать, — сказал самый хмурый из мужиков.

— По рукам, — произнес я в ответ.

А уже через тридцать минут, ошарашенный, сидел перед телевизором.

Где-то в Европе люди подняли восстание против очередного локдауна. Сотрудники правопорядка разгоняли народ водометами и слезоточивыми шашками, толпа в ответ бросалась камнями. Выли сирены, плакали мусульманки в хиджабах, стремительно мелькавшие кадры то и дело выхватывали перевернутые, полыхавшие в огне машины.

Я перещелкнул канал. Речь зашла о России. В Москве ввели паспортный контроль приезжающих, что происходило в регионах, и вовсе было неясно. Какие-то четырнадцатидневные изоляции и самоизоляции. В Сибири тоже было все плохо. Гость из Красноярска инфицировал три тувинские деревни, а дебошир абаканец — хирургическое отделение городской поликлиники — пятьдесят семь человек, включая медсестер и докторов. И все это время из громкоговорителей с улицы звучала аудиозапись: «Во избежание распространения новой коронавирусной инфекции убедительная просьба всем жителям города оставаться в своих квартирах. Внимание! На территории республики введено чрезвычайное положение. Выходить на улицу разрешается только в случаях крайней необходимости».

Необходимость у меня имелась. Поэтому я прогулялся до ближайшего алкомаркета и затарился недельным запасом выпивки. Гнать сейчас тачку было безумием. Известно, где закончилось бы мое путешествие. Возможно, меня не пустили бы на МКАД. Возможно, не пропустили бы в самолет. Слухи ходили разные.

— И долго ты собираешься валять дурака? — словно почувствовав, что я при деньгах, позвонил вечером Андрей. Понятное дело, я был уже невменяемым от выпитого.

— А в чем, собственно, дело, молодой человек?

— Видал, что происходит вокруг? Скоро вживят тебе чип, и посмотрим, как ты запоешь.

— Да бред все это, Андрей.

— Может, и бред, — произнес он агрессивно. — Но на колени нас всех поставят, можешь быть в этом уверен. Бизнес дают, неофициалов дают. Единственное место, где можно сейчас заработать, — крипта. И чем больше людей на нее перейдет, тем сложнее системе нас будет нагнуть. А такие, как ты, пойдут на корм рыбам. Слышал, что за пять лет население Земли сократится до миллиарда? Олигархам невыгодно держать чернь. Слишком ее много. Сожгут всех в крематориях, а сами — кайфовать на Мальдивы.

Похоже, они там не просто рубили бабло, а боролись за выживание. Как старообрядцы в тайге.

— Кто же их тогда будет кормить?

— Кто-кто... Роботы! Или ты думаешь, что при нынешних технологиях этого сделать нельзя? Да они нам втирают очки по телевизору. А сами давным-давно все придумали. И «зеленую» энергетику, и вечную жизнь. Вот только билетов в будущее на всех не хватит.

— Звучит очень хреново, — глотнув пива, произнес я.

— Хреннее некуда. Так ты продал машину или все еще занимаешься благотворительностью в такси?

— Ага, сегодня ушла наконец.

— Так чего же ты ждешь, брат? Видал, какой сейчас курс?

— Видал-видал, — обреченно подтвердил я.

Бить мне было нечем. А тут еще эта выпивка. Попроси он меня отписать квартиру, я и это бы сделал. Не моргнув глазом.

— Глазом моргнуть не успеешь, как котировка подскочит до десяти тысяч. И положить можно будет на этот коронавирус. Купим необитаемый остров, возьмем туда кучу девочек и будем кайфовать.

В общем, он уговаривал меня полчаса. Под конец я только хмыкал, мычал и выдавал в ответ нечленораздельные междометия. Государство распространяет ложную информацию, называя криптовалютный рынок финансовой пирамидой. Еще бы, ведь он создает угрозу безопасности. А правда в том, что фенкоин вот-вот выйдет на торговые площадки мира, где окажется в одной компании со «Space X» и «Тесла». Все максимально прозрачно, легально и чисто. Андрей так мне прочистил мозги, что я почувствовал в себе силы написать самый полный на сегодняшний день словарь прописных истин. Если такие существовали, конечно. Но вместо этого я открыл новое пиво. Потом еще одно и еще. А затем перевел все деньги в криптовалюту, оставив себе лишь на карманные расходы.

Я долго пил в этот вечер. Смотрел нашумевший фильм с Леонардо ди Каприо и Бредом Питом. Часто смеялся, даже там, где было совсем не смешно. И поздравлял себя с завоеванием мира.

Когда я проснулся на следующий день, фенкоин стоил два рубля тридцать копеек.